VI. Внутренние события после Ништадтского мира

После Ништадтского мира Петр последние годы своего царствования занимался с прежней энергией делами внутреннего устроения. 5-го февраля 1722 года был издан новый закон о престолонаследии, который, можно сказать, уничтожал в этом вопросе всякое значение родового права. Всякий царствующий государь, сообразно этому закону, мог, по своему произволу, назначить себе преемника. "Кому оный хочет, тому и определит наследство, и определенному, видя какое непотребство, паки отменить".

Почти одновременно (24-го января) издан был знаменитый указ, заключавший табель о рангах, послуживший основанием новому порядку государственной службы. И здесь видно было желание поставить верховную царскую волю выше всяких прав и предрассудков породы. Местничество давно уже уничтожилось; повышение личностей в служебной лестнице оставалось на произволе власти. Новый указ был дальнейшим развитием этого принципа, Петр не уничтожал преимуществ рождения вовсе, но выше их ставил достоинство государственной службы. Заслуги, оказанные в государственной службе, сообщали недворянину потомственное дворянское звание. Всем, считавшимся до того времени дворянами, вменялось в обязанность в полуторагодичный срок доказать, когда и от кого пожалована им дворянская честь; те, которые докажут, что их род пользовался дворянством не менее ста лет, получали дворянские гербы. Герольдмейстер должен был вести списки дворян, по именам и чинам, и вносить в эти списки их детей. Таким образом положено начало родословным книгам и герольдии. Царь предоставлял себе право жаловать недворян за службу дворянством и лишать его за преступление. По закону 24-го января 1722 года, вся государственная служба разделялась на воинскую, статскую и придворную, и в каждом таком разряде установлялась лестница из 14-ти ступеней. Воинская служба разделялась на 4 отдела: сухопутная - армейская, гвардейская, артиллерийская и морская. Верховный чин или первый класс для всей армии, гвардии и артиллерии был генерал-фельдмаршал, для морских - генерал-адмирал. Ко второму классу принадлежали, как в армейской, так и в гвардейской службе, полные генералы от инфантерии и от кавалерии; в артиллерийской службе - генерал-фельдцейхмейстер, в морской - адмиралы прочих флагов. В третьем классе, в армии, гвардии и артиллерии, числились генерал-лейтенанты, генерал-кригскомиссар и кавалеры Св. Андрея, а в морской - вице-адмиралы. В четвертом, как в армии, так и в артиллерии - генерал-майоры; а в гвардии с этого класса начинается преимущество над армией: армейскому генерал-майору равнялся гвардейский полковник, в морской службе шаутбенахты и обер-цейгмейстер. В пятом - армейские бригадиры, оберштер-кригс-комиссар, генерал-привиантмейстер, в артиллерии полковник, в гвардии подполковник, а в морской -капитаны, командир над портом кроншлотским и некоторые хозяйственные должности. В шестом: в армии -полковники, в гвардии - майоры, в артиллерии -подполковники, в морской - капитаны 1-го ранга. В седьмом: в армии - подполковники, генерал-аудиторы и некоторые другие должности, в гвардии - капитаны, в артиллерии - майоры, в морской - капитаны 2-го ранга. В

восьмом: в армии - майоры, генеральские адъютанты; в гвардии - капитан-лейтенанты, в артиллерии - инженер-майоры, в морской - капитаны 3-го ранга. В девятом: в армии - капитаны, в гвардии - лейтенанты, в артиллерии и в морской - капитан-лейтенанты. В десятом: в армии -капитан-лейтенанты, в гвардии - унтер-лейтенанты, в артиллерии и в морской - лейтенанты. Одиннадцатого класса не было, исключая для морской службы - секретари корабельные. Двенадцатого: в армии -лейтенанты, в гвардии - фендрики, в артиллерии - унтер-лейтенанты, в морской - унтер-лейтенанты и шкиперы 1-го ранга. Тринадцатого: в армии - унтер-лейтенанты, в артиллерии - штык-юнкеры, в гвардии и в морской не было этого класса. Наконец, четырнадцатого: в армии - фендрики, в артиллерии - инженер-фендрики, в морской - шкиперы 2-го ранга и констапели. В статской службе: 1-го класса был один только канцлер, 2-го - действительные тайные советники, 3-го - генерал-прокурор, 4-го президенты коллегий и тайные советники. Затем остальные классы, за исключением 11-го, которого вовсе не было, выражали разные должности гражданской служебной деятельности, и в этом отношении табель Петра имела несколько другой смысл, чем та, которая удержалась до нашего времени и представляет сходство с современной только по принадлежности должностей, размещенных в их достоинстве по лестнице классов. Придворные должности, начиная со 2-го класса, к которому принадлежал обер-маршал, шли также на 14 степеней, но, за исключением 10-го и 13-го, выражали собой придворные обязанности, в иных случаях постоянные, как, например, тайный кабинет-секретарь, лейб-медикус, в других -о тносившиеся только к придворным церемониям, например, обер-шенк, камергеры. "Ранг" при Петре означал право на известную почесть, и всякий, кто самовольно займет место, дающее ему право на почесть выше его ранга, подвергался вычету двухмесячного жалованья или же уплате той суммы, которая равнялась жалованью, получаемому другими, равными ему по рангу, лицами. "Сие осмотрение каждого ранга не в таких оказиях требуется, когда некоторые яко добрые друзья и соседи съедутся или при публичных ассамблеях, но токмо в церквах при службе Божьей, при дворовых церемониях, при аудиенциях послов, в торжественных столах, в чиновных съездах, при браках, погребениях и тому подобное". Так пояснял значение рангов государев указ. И женский пол пользовался подобным отличием по рангам. Замужние женщины считались в рангах сообразно своим мужьям, а девицы сообразно своим отцам, но между замужними и девицами устанавливалось отношение, дававшее преимущество первых пред последними. Например, девицы, дочери отцов 1-го ранга, до своего замужества, считались выше тех замужних, которых мужья состояли в 5-м ранге, дочери отцов 2-го ранга считались выше жен чиновников 6-го ранга. У фискалов теперь явилась новая обязанность - наблюдать, чтобы все пользовались почетом сообразно своему рангу и не присваивали себе высшего почета. В статской службе потомственное дворянство давали первые 8 классов, а в военной - все (как штаб и обер) офицерские чины.

Каждый должен был иметь свой убор, ливрею для служителей и экипаж сообразно своему рангу. "Понеже знатность и достоинство какой особы часто умаляется, когда убор и прочий поступок чем не сходствует".

Этот новый закон установлял порядок должностей, но предоставлением разных почетов по чинам вводил в общественную жизнь пустое чванство и самопредпочтение, тем более достойное порицания, когда, по общечеловеческой слабости, чины не всегда могли достигаться по достоинству и заслугам, а часто могли добиваться в силу связей, пролазничества и низкопоклонства младших перед старшими.

Так как Петр желал поставить государственную службу выше предрассудков породы, то и другие, последовавшие затем, узаконения Петра носили тот же характер. 27-го апреля 1722 г. состоялся указ о цехах, приводивший в порядок ремесленных людей. Закон этот заимствован, как и все учреждения и нововведения Петра, из чужеземных образцов. Ремесло или занятие собирало всех, занимающихся им, в одну корпорацию, называемую цехом (польское слово, с немецкого Zunft). Все могли свободно вступать в цех: не запрещалось это и крепостным. Цехи находились под управлением выборных ольдерменов или старшин из настоящих мастеров. Всяк, занимавшийся каким-нибудь мастерством, должен был являться к ольдермену, подвергнуться от него испытанию и получать свидетельство на звание мастера. Только мастерам, получившим такие свидетельства, дозволялось выпускать в продажу свои произведения с наложением своего клейма. За продажу без наложения клейма брались большие штрафы, а старшина за неправильную выдачу свидетельства или за неправильное клеймение, после двухкратного штрафа подвергался ссылке на галеры. Старшина имел право приказывать вновь переделывать представляемое ему для одобрения произведение мастера или же уничтожать его вовсе, когда находил негодным. В цехи принимались и иностранцы, но те из них, которые приняли православную веру, лишались права отъезда за границу.

Царь ограничивал до некоторой степени произвол старейших над меньшими, родителей над детьми и владельцев над рабами. Узнавши, что родители принуждают к браку своих детей, а господа рабов, он (5-го января 1724 года) постановил, чтобы перед венчанием родители и господа вступающих в брак давали присягу, что они не неволят к браку, первые - детей, а последние рабов. Царю стало известно, что сыновья помещиков делались их наследниками по правам рождения, хотя бы по своим умственным качествам представляли полную неспособность пользоваться родительским достоянием. Несмотря на глупость таких богатых людей, многие, ради их богатства, отдавали за них дочерей: глупцы расточали свое богатство и управляли жестоко своими подданными. Царь приказал всем, у кого есть такие "дураки" в семье, подавать о них сведения в сенат. Сенат обязан был их свидетельствовать, и если находил негодными ни к учению, ни к службе, то запрещал жениться, а девицам выходить замуж, самых же "дураков и дур" отдавал ближним родственникам для прокормления.

Для устройства быта сельского сословия в этот период Петровой деятельности не видим ничего важного. На крестьян смотрели как на рабочую силу, годную государству для снабжения войска рекрутами и для содержания размещенных по империи войск; с последней целью и была учреждена ревизия

и подушная подать. Установилась паспортная система (указом 26 июня 1724 года). Крестьяне могли брать отпуски для своего прокормления за рукой помещика или приказчика только в своем уезде и не далее 30 верст; если же отлучались в другой уезд, то должны были от земского комиссара брать вид вместе за подписью начальника полка, постоянно квартировавшего в том уезде, или от офицера, которому начальство этого полка поручало такие дела.

С учреждением Синода явился ряд замечательных узаконений по устройству церкви.

Указом от 22 февраля 1722 года священнические убылые места велено замещать по выбору прихожан, а кандидатов представлять архиереям. Последние должны были давать ставленникам книжицы о вере и христианском законе, а перед посвящением заставлять их проклинать все раскольничьи секты и согласия, и давать присягу, что они не будут укрывать таких раскольников, которые обнаружат свое отщепенство or веры удалением от исповеди и св. причащения. Обыкновенно ставились на священнические места дети духовных, но 4 апреля 1722 г. Синодом указано всех детей церковно- и священнослужителей, если они не будут ходить в школы, записывать в оклад наравне с прочими крепостными крестьянами того села, где они жили. В старину было принято, что вдовые попы и дьяконы не могли сдаваться на приходах, но шли непременно в монахи; царь (указ 30 апреля 1724 года) побуждал тех из них, которые сами учились в школах, вступать во вторичный брак и быть учителями духовных училищ. Священники обязаны были надзирать, чтоб их прихожане посещали церкви в воскресные дни, в дванадесятые праздники, в дни рождения и именин государя и государыни, в день полтавской победы и в Новый год 1 января. С этого времени священник делался слугою государственной власти и должен был ставить интересы ее выше церковных правил. Указом 17 мая 1722 года вменено в обязанность всем духовным отцам доносить о тех лицах, которые на исповеди сознаются, что они имели злой умысел против государя. Те, на кого последовал такой донос, отсылались в тайную канцелярию, но и доносителей требовали туда же, только под "честным арестом". Кто отступал от православия или детей своих крестил в иную веру, тот от Синода подвергался увещанию, если же увещания не действовали, то отдавался суду сената, а сенат предавал его воле государя. Еще прежде велено было упразднить все домашние церкви, но в 1722 г. дозволено было престарелым персонам иметь в домах церкви, однако не иначе как с особого синодального позволения и с тем, что после смерти этих особ антиминсы будут взяты в Синод и самые церкви уничтожатся. Петру не нравилось, что в России много церквей, особенно их изобилием славилась Москва; и он приказал там переписать их, обозначить время их основания, показать число дворов, состоявших в каждом приходе, и расстояние одной церкви от другой, а затем все лишние церкви упразднить. Постановлено было, чтобы вообще в приходе было от двухсот до трехсот дворов, и где было только двести дворов, там полагался один священник, а где было дворов более - там два священника. Указ 30 апреля 1722 года запрещал строить церкви во имя икон Богородицы, например Владимирской, Казанской и т. п.; можно было

основывать храмы Богородицы только в честь какого-нибудь богородичного праздника, например, Благовещения, Рождества и т. д. Изданы были разные правила о благочинии в храмах. Издавна по обычаю благочестивые люди приносили в церковь собственные иконы и там молились перед ними. 31 января 1723 года Синод запретил такой принос в церковь домашних икон и велел все находившиеся уже в церквах возвратить хозяевам. Запрещено также привешивать разные вещи к образам в церквах, как-то: монеты и т.п., а где такие вещи найдутся, то следовало продать их, и вырученные за них деньги употребить на покупку чистой пшеничной муки для просфор и на церковное вино; но если в числе привесок найдутся старые монеты и разные старинные вещи, то доставлять их в Синод. Богатые люди держались обычая приглашать духовенство служить в своих домах вечерни и заутрени. И этот обычай Петр велел Синоду запретить, находя, что он происходил от суеверия и тщеславия богатых, которые "хотят разниться от прочей христианской братии". 29 июля 1723 года Синод указал во время богослужения в церквах сбор подаяний собирать в два кошелька: в один - на церковные нужды, а в другой - на содержание больных и неимущих в госпиталях [17]. Духовные часто вели себя неприлично: неблагочинно отправляли богослужение, напивались пьяными до того, что валялись по улицам, сошедшись где-нибудь на обеде или поминках, ссорились между собою по-мужичьи, таскались по кабакам в безобразном виде и показывали свою храбрость в кулачных боях. Все это строго воспрещалось. Царь заметил (18 апреля 1724 года) Синоду, что русские всю надежду кладут на церковное пение, пост, поклоны и на приношение в церковь свеч, ладана и проч. Он приказал написать книгу, где бы изъяснялось различие между непременным законом Божиим и тем, что составляет предания отеческие и что учреждено только для обряда. Написать эту книгу следовало двояким способом: для поселян и для горожан. Царь хотел ознакомить русских с другими вероисповеданиями и иными верами и приказал в начале 1723 г. перевести лютеранский и кальвинский катехизисы на русский язык. В то же время прилагалось старание о размножении православных. Иноверцев Казанской губернии, изъявивших желание креститься, не велено брать в солдаты. В 1724 году сибирский архиерей доносил, что в Сибири новокрещенных татар отдали в холопство; царь приказал немедленно их объявить свободными, а сибирскому губернатору, вместе с тобольским архиереем, - учинить розыск о том, кто этих татар обратил в неволю. Октября 10-го 1723 года состоялся важный указ, сохранивший свою силу и до настоящего времени: не погребать умерших при церквах, а погребать их только на кладбищах или в монастырях.

В течение 1722 и 1723 годов давались распоряжения о монастырях, служившие как бы предварительными узаконениями к полному преобразованию иноческого чина, предпринятому позже. Запрещено были заводить новые скиты и монастыри. Запрещалось постригать военных людей без увольнения их начальства, крепостных без отпускного письма их господ, лиц, состоящих в брачном союзе, когда другое лицо еще находилось в живых, детей - без воли родителей, или по обещанию, данному заранее родителями, посвятить детей своих в иноческий чин, наконец, вообще всех недостигших тридцатилетнего возраста. Женские монастыри становились совершенно ни для кого

непроницаемыми заведениями. В некоторых женских монастырях были св. мощи и чудотворные иконы, привлекавшие туда народные толпы: теперь приказано было помещать их в церквах, построенных на монастырских воротах с крыльцами, выходящими за пределы монастырской ограды. Богомольцы лишены были, таким образом, всякого предлога вступать во внутренность женского монастыря.

Новые подробные правила о монастырях были начертаны 31 января 1724 г. За основу взято такое положение: в древности монастыри насыщались не чужими трудами, а собственными, но потом ленивые монахи и ханжи стали ложно толковать слова Христовы. Иные из них подделались к греческим императорам, а более всего к их женам, и стали заводить монастыри не в пустынях, а в многолюдных городах, и много имений перешло в их руки. На Руси делалось то же. Но у нас климат не позволяет оставаться без труда, и монастырей нельзя содержать так, как в теплых краях. В настоящее время большая часть монахов тунеядцы и только по наружности как будто хотят угождать только Богу, отрекаясь от мира; на самом же деле они уходят в монастыри ради доброго и привольного житья. Большая часть монахов - из поселян, которые, постригаясь в монашество, избегали тройных повинностей: государству, помещику и своему дому, и находили в монастыре все готовое. Они бежали от труда, чтоб даром хлеб есть. Но монашество нельзя уничтожить; во 1-х, для удовлетворения совести желающих монашеского житья; во 2-х, ради посвящения архиереев, потому что давно уже вошло в обычай, чтоб архиереи были из монахов, хотя 300 лет после Христа и не так было. С таким основным взглядом на иночество положено расписать по монастырям отставных солдат и всяких убогих, не могущих работать; монахи должны им служить, а тем из монахов, которые окажутся лишними за числом служащих, отвести монастырские земли для обработки. В женских монастырях велено воспитывать подкидышей или сирот, остающихся без призрения - мужского пола до 7 лет, после чего отдавать в школы, а девочек оставлять в монастырях и там обучать грамоте и разного рода рукодельям, сделав, однако, для мальчиков и девочек особые помещения с особыми ходами.

С целью подготовки из монашеского звания архиереев, предположено устроить в Петербурге и в Москве семинарии, где могли они сначала обучаться, а потом заниматься обучением других до 30 лет своего возраста. Затем желающие могли вступать в Невский монастырь на испытание, а через три года быть пострижены. Постриженные должны были находиться там в виде упражнения, проповедовать в Невском монастыре и в соборных церквах и переводить книги. Каждый день они должны были находиться четыре часа в библиотеке, для изучения учителей церкви. Они жили под начальством архимандрита и директора, с лучшим содержанием против обыкновенных монахов, а за дурное поведение отсылались в простые монастыри, в больничные служители. Из этих-то привилегированных иноков выбирали архиереев и архимандритов, но не иначе как с утверждением государя по синодскому докладу. Для заведования монастырями и их имениями в 1724 году 18 сентября учреждена была камер-контора, которая обязана была делать раскладку, сколько

в каждом монастыре можно было содержать нищих, сирот и монахов. Монастырские доходы положено было разделить на 5 частей: одна часть предназначалась монастырским чиновным людям; две - на церковные потребности и на починки; третья разделялась на 3 части - две трети шло на больницу, одна треть прислуживавшим монахам; затем четвертая часть доходов - на содержание постелей, белья и больных, а пятая - на престарелых, сирот и младенцев.

Петр, с обычною своею жестокостью, и теперь продолжал вести борьбу со множеством суеверий, укоренившихся издавна под покровом святости. В 1722 году, за распространение всякого нового суеверия или вымышленного чуда, государь велел ссылать в вечную каторжную работу, с вырыванием ноздрей. 17-го мая того же года было вменено в обязанность священникам доносить о том, кто у них сознался на исповеди, что вымыслил чудо, принятое народом за истину. В указе 11-го июля того же года Синод обличал глубоко укоренившееся в русском благочестии мнение, что страдания приятны Богу. Это учение, как известно, поддерживало в народе ревность к расколу, и по этому-то поводу, главным образом, Синод счел нужным опубликовать свое увещание, в котором объяснял, что, по слову Христа, страдания могут быть приятны Богу только тогда, когда совершаются правды ради, т. е. за догматы и закон Божий, но "такового правды ради гонения в российском государстве опасатися не подобает". Синодальный указ замечал, что являются люди, считающие богоугодным делом злословить власти и славиться своим мнимым мужеством. Указывался на свежий тогда пример монаха Варлаама Левина с его товарищами. Левин был полоумный изувер, страдавший меланхолией и падучею болезнью. Он служил прежде в военной службе, потом шатался странником; признанным раскольником он не был, но отличался некоторыми старообрядческими чертами благочестия. Он постригся на своей родине в Пензе, а потом, из желания пострадать за правду, вышел на площадь в Пензе и всенародно кричал, что Петр антихрист и скоро начнет налагать на всех клейма между указательным и большим пальцем руки, а после того последует преставление света. Несчастного сумасброда, по доносу одного из посадских, потащили в тайную канцелярию, привлекли к его делу нескольких попов, бывших его духовными отцами, и в том числе духовника князя Александра Даниловича Меншикова, Никифора Лебедку. Обвиняемых предали жестоким пыткам и в июле 1722 года приговорили к смертной казни.

Мысль о богоугодности страдания не искоренялась в русском народе от синодских увещаний, напротив, чудовищно проявлялась множеством случаев добровольного сожжения раскольников, застигнутых преследованием правительственных властей. Таких примеров в те времена было очень много, а особенно в Сибири, и они тем более располагали Петра к суровым мерам против раскола, в котором он видел выражение народного противодействия своим намерениям. Правительство не хотело знать раскольнического крещения, и обращающиеся из раскола в православие, хотя бы они были крещены, но от простого мужика, а не от духовного лица, вновь подвергались обряду крещения. Крестить детей у раскольников приказано не иначе как православным обычаем.

При совершении браков раскольников с православными, с первых прежде брали обещание под присягою об отречении от раскола, а если женатые заявляли себя уже состоящими в раскольничьем браке, то их допрашивали, кто их венчал, и в случае запирательства брали в розыск. Кроме двойного оклада в казну, раскольники обязаны были еще платить приходскому священнику по гривне с души, да, сверх того, по гривне от рождения, по гривне от брака и по гривне от погребения, хотя бы по нежеланию раскольников не были над ними исполняемы эти обряды; раскольниками государь приказал считать не только тех, которые откровенно объявляли себя состоящими в расколе, но записывать в число раскольников и тех, которые, посещая церкви и не уклоняясь от исповеди и причащения, клали на себе двухперстное крестное знамение. Обвиненные по суду раскольники наказывались ссылкою в каторжные работы в Рогервик. Зато самый заклятый раскольник, принимая православие, освобождался от двойного оклада и от всяких поборов, взимаемых с раскольников, хотя бы за ним числились этого рода недоимки за многие годы. Синод преследовал раскольничью литературу и октября 15-го 1724 года указал раскольничьи книги и тетради доставлять духовным властям, которые, в свою очередь, должны отсылать их в Синод.

В 1722 году опять повторилось преследование бород. Все бородачи должны были носить особый зипун, со стоячим клееным козырем, или однорядку с лежачим ожерельем. Раскольники, для отличия от обыкновенных бородачей, должны были носить козырь красный. За бороду следовало платить 50 рублей. Если кто придет в судебное место с бородою, не в указном платье, от того не принимали челобитных и тотчас с него взимался штраф 50 рублей, хотя бы он уже заплатил прежнюю годовую плату. Всякий, увидавши бородача не в указном платье, мог задержать его и вести к коменданту или воеводе для взятия с него штрафа, из которого половина давалась приводившему бородача. Только пашенные крестьяне не преследовались за бороды, когда не занимались постоянно промыслами. Если бородачу нечем было заплатить штраф, виновного ссылали на работу в Рогервик (Балтийский порт), а сибиряков на сибирские заводы, но сосланный отпускался на свободу, как скоро давал подписку, что обреет бороду и вперед не будет носить ее. Некоторые, с намерением избегнуть пени, назначенной за ношение бороды, подрезывали себе бороды, но не обривали совершенно (указ 12-го июня 1722 года). Однако этою уловкою не провели государя. Таких велено считать за бородачей и одеваться им в указное платье, а караульным урядникам и солдатам приказывалось ловить их и представлять начальству в губернии и провинции; фискалам велено наблюдать за ними. В июне 1723 года оказалось множество бородачей из купеческого и мещанского звания, сидевших под караулом, потому что по бедности они не могли заплатить требуемого штрафа. Царь велел им всем выбрить бороды и освободить на поруки. В 1724 году, для отличия бородачей, придумали обязать их носить медные знаки, а женам опашни и шапки со старинными рогами.

Не ослабевали в последние годы царствования Петра его заботы о народном образовании. В 1724 году в инструкции, данной магистратам, этим городским учреждениям вменено в обязанность учить читать, писать и считать детей не

только зажиточных, но и бедных родителей и с этою целью устроить при городских церквах школы. Но это оставалось только в предположении. Школ не заводили. В Голландию были посланы, для изучения архитектуры, несколько молодых людей. Осенью 1724 года по их донесению, что им нечего было делать, велено было собрать их вместе и учить разведению, содержанию и украшению огородов, а по мере надобности и железному делу. После поездки Петра в Париж и знакомства с французскими учеными, у него родилась мысль составлять ученые описания, касающиеся своего отечества, и он разослал учеников Петербургской морской академии по губерниям, для составления географических карт, а губернаторам и воеводам предписал надзирать за ними и оконченные работы присылать в сенат и камер-коллегию. Плоды этого дела вышли в свет уже после кончины императора, когда был издан первый русский атлас. Двух навигаторов Евреинова и Лужина царь отправил в отдаленные места Сибири, между прочим, для решения вопроса: соединяется ли Америка с Азией. При содействии одного из поселившихся в Сибири шведского пленного, голландца Буша, эти царские посланные посетили Камчатку, Охотск и плавали между Курильскими островами, но вопроса о соединении Америки с Азией они не решили, и Петр, незадолго до своей кончины, отправил с этою же целью другую экспедицию - знаменитого Беринга, совершившего свое путешествие через пролив, оставшийся в географии под его именем, и вернувшегося из своего путешествия уже при преемниках Петра. Петр в это же время отправил в Сибирь доктора Мессершмидта "для изыскания всяких "раритетов", вещей, зверей, трав, руд и прочее". Этот ученый немец не знал ни слова по-русски, объяснялся только через переводчика и потому встречал большие затруднения. "Кого ни спрошу, - доносил он, - всяк отговаривается неведением". Тем не менее этот путешественник нашел "удивительного зверя": мамонтову голову, два рога, часть его зуба и кость ноги и привез в Петербург, со многими естественными достопримечательностями, монгольские, тунгузские и китайские рукописи.

Петр давно уже сознавал необходимость переводов с иностранных языков книг, касавшихся разных наук и искусств, нередко поверял эти переводы духовным лицам, получившим воспитание в киевской коллегии. Но оказалось, что иные из них брались за перевод, не зная или языка, с которого переводили, или самого художества, о котором шла речь; царь приказывал таких переводчиков отдавать учить либо языку, либо художеству, смотря по тому, в чем переводчик оказывался слаб. Из замечательных переводов, появившихся в конце царствования Петра, следует упомянуть: "Введение во всеобщую историю Самуила Пуффендорфа", переведенное с латинского Гавриилом Бужинским. Тем же Бужинским переведено сочинение "Theatrum historicum", под названием "Феатрон, или Позор исторический". Сочинение это в подлиннике написано было в протестантском духе и потому переведено на русский язык с некоторыми замечаниями. Еще прежде в 1719 году в молодой русской литературе явился перевод церковных летописей Барония, с католическим направлением. По царскому повелению переведена была в 1723 году и напечатана "История о разорении Иерусалима Титом и о взятии Константинополя турками". Кантемиром составлена была книга: "Система или

состояние магометанской религии", а для руководства в математико-навигацких школах переведены были с голландского языка "Горизонтальные северные и южные широты". Более важное значение имел для современников перевод с написанной по-итальянски рагузинским архимандритом Мавро Урбином "Историографии початие имене, славе и расширения народа славянского". Перевод этот, как думают, сделан был Саввою Владиславичем Рагузинским. С польского языка переведено было собрание образцов древнего красноречия, под названием "Апофегмата". Одною из характеристических особенностей тогдашней литературы были календари или месяцесловы, в которых, кроме астрономических сведений, были известные астрологические бредни, которым в те времена верили. Заботясь о введении между русскими приемов европейского обращения, Петр приказал в 1719, а потом в 1723 году, напечатать книгу: "Юности честное зерцало, или показание житейского хождения". Это был переводный сборник разных правил о благопристойности в обращении с людьми.

16 февраля 1722 года государь повторил прежнее предписание о собрании и доставке в столицу старых русских летописей и хронографов. Только на этот раз царь обращался уже не к светским властям как прежде, а к духовным, и приказывал посылать уже не списки, а самые оригиналы, не в сенат, но в синод, и там переписать их. По окончании шведской войны, государю пришла мысль составить ее историческое описание, не без того, что Петром руководило самолюбивое желание увековечить в потомстве славу своих деяний. Сам государь каждую субботу посвящал утро этому делу, вписывая в хронологическом порядке известия о сражениях, победах и потерях русских войск и о разных внутренних учреждениях, начатых в его царствование. В 1723 году государь поручил ведение этого дела барону Гюйссену, изъявляя желание, чтоб "история эта при жизни государя в совершение пришла". Тем же занимались Шафиров и Феофан Прокопович, обращая внимание, по воле Петра, преимущественно на войну со Швецией. Театра Петр не любил, хотя и не преследовал его, зная, что его допускают и покровительствуют в европейских государствах. Театр при Петре существовал в Москве в самом жалком виде. Из переводных драматических произведений того времени указать можно на перевод дон Жуана с польской переделки и на перевод Мольеровой комедии "Prйcieuses ridicules", названной по-русски "Драгия смеяныя". Оба плохи. Но Петр, равнодушный к театру, любил всякие торжества, празднества и восхваления собственных подвигов. От этого в его царствование печатались разные слова, поздравительные речи и песнословия, прославлявшие подвиги великого государя.

Указом января 27-го 1724 года повелено устроить академию наук, "где бы учились языкам, наукам и знатным художествам". Академия предполагалась таким заведением, где бы ученые люди публично обучали молодых людей наукам, а некоторых из них воспитывали бы особо при себе с тем, чтоб те, в свою очередь, могли обучать молодых людей первым основам знаний, стараясь, чтоб от этого имели пользу вольные художества и мануфактуры. Академия разделялась на три класса. В первом преподавали бы 4 персоны: одна

математику, другая - астрономию, географию и навигацию, третья и четвертая - механику. Второй класс, физический - с 4 персонами - преподавателями анатомии, химии, физики теоретической и экспериментальной и ботаники. Третий класс - с 3 персонами, которые преподавали: элоквенцию, древности, древнюю и новую историю, натуральное и публичное право, политику и этику; полезным считалось преподавание экономии. Академики должны были изучать авторов по своей науке, рассматривать новые изобретения и открытия. Каждый академик должен был написать курс своей науки по-латыни с переводом на русский. При академии следовало завести библиотеку и натуральных вещей камеру, иметь своего живописца и гравировального мастера. Три раза в год в академии должны происходить публичные ассамблеи, на которых один из членов должен читать речь по своей науке. На содержание академии определены доходы с городов Нарвы, Дерпта, Пернова и Аренсбурга, всего 24912 рублей. Но академикам, в видах улучшения их обстановки, предоставлялось читать еще и партикулярные лекции. Петр заметил, что ученые люди, занятые своей наукой, мало заботятся о жизненных средствах, поэтому предполагал необходимость таких лиц, которые пеклись бы о материальных нуждах ученых: с этою целью он положил учредить директора, двух товарищей и одного комиссара, заведывавшего денежной казной. Самостоятельный университет, в смысле высшего учебного заведения, признавался невозможным в России, пока в ней не существовало еще среднеучебных заведений: гимназий и семинарий. Петр, однако, тогда же объявил о намерении учредить со временем университет с тремя факультетами: юридическим, медицинским и философским, а при университете - гимназию.

Ревизская перепись, начатая в 1718 году, была совершенно окончена к 1722 году. Оказалось, что во всех 10 губерниях и 48 провинциях было дворов 888244. Самая населенная губерния была Московская - 259281 двор. В дополнение велено было, указом 10 мая 1722 года, сделать перепись малороссиянам слободских полков, поселенным на помещичьих землях, но объявивши им, что они переписываются только для сведений, а не для поборов. Инородцев - астраханских и уфимских татар, как равно и сибирских ясачных и лопарей, ревизская перепись не касалась вовсе.

По окончании ревизии введена была подушная подать (11 января 1722 года) по 80 копеек с души на 500000 крестьян и деловых людей. Все, которые были не за помещиками, но входили по ревизии в подушный оклад, обязаны были платить еще прибавочных 4 гривны с души; дворовые люди не принимались в раскладку по сборам. 26 июня 1724 года были установлены правила, которыми надлежало руководствоваться при взимании подушной подати. Подушные деньги собирались выборными от местного дворянства в три срока в течение года; в первые два срока по 25 коп., а в третий срок по 24 коп. Комиссары, собиравшие подати, брали по одной деньге с души на себя за свой труд. С крестьян, вышедших в подушной оклад, положено не править недоимок (ук. янв. 25-го 1725 г.).

Лица, посланные по государеву повелению в губернии, должны были созвать дворян и расписать поставленных по селам и деревням солдат, разместивши их сообразно количеству крестьянских душ, так, чтоб на каждого пешего приходилось крестьянских 35 1/2 душ, а на конного - 50 1/4 душ. Дворянам объявлено, что они будут платить со всякой души мужского пола на содержание войска 8 гривен.

Затем повторены прежние распоряжения о постройке слобод на известном расстоянии одна от другой для избежания постоев солдат в крестьянских дворах. Составлены были более подробные правила об отношениях к помещикам и крестьянам войсковых команд, стоявших на квартирах. Военные не должны были вмешиваться в помещичьи работы, могли пасти лошадей и рубить дрова только там, где помещик укажет. Офицерам и рядовым позволялось держать свой скот, но они не должны были требовать от помещиков фуража. Полковник и офицеры должны наблюдать, чтобы крестьяне, приписанные к их полкам, не бегали, а если проведают о намерении бежать, то должны посылать в погоню и пойманных передавать помещикам для наказания; военные должны были также в тех округах, где квартировали, ловить разбойников и воров. Поставленных на вечные квартиры военных полагалось брать на канальные работы по мере близости их постоя, впрочем, выбирая для этого преимущественно из гарнизонов, а для пополнения гарнизонов определяя в то же время из армейских полков на место взятых. Кроме двухсот тысяч регулярного войска, таким способом размещаемого, царь в 1722 году велел из однодворцев южных провинций составить отряд конных гусар с карабинами и пиками, а в 1724 году из тех же однодворцев образовать 5187 человек ландмилиции (одного из 16-ти), ландмилиция эта распускалась по мере ненадобности в ней и собиралась вновь по востребованию. Это была мера охранения русских пределов от вторжения крымцев, и в тех же видах устраивалась на юге линия пирамид, вышиною в три сажени, на таком расстоянии одна от другой, чтоб можно было видеть с одной пирамиды все, что делается близ другой. На этих пирамидах ставились смоляные бочки и зажигались в случае тревоги, и таким образом на расстоянии нескольких сот верст мог сделаться известным татарский набег.

Рекрутская повинность, ложившаяся таким тяжким бременем на тогдашнее народонаселение, в конце царствования Петра расширилась: в 1722 году татары, мордва, черемисы, прежде освобождавшиеся от рекрутчины, сравнены были в этом отношении с другими жителями государства. Татар велено брать малолетних в гарнизоны и употреблять в денщики. В 1722 году был отменен закон, дозволявший крепостным людям определяться в солдаты помимо воли помещиков, но в том же году опять возобновлен, однако с тем различием, что поступивших таким образом в службу велено засчитывать за рекрут их господам. Солдатские дети брались в рекруты, если оказывались годными (ук. янв. 19-го 1723 г.). Купечество не несло рекрутской повинности натурою, но платило 100 рублей за рекрута. Система подушного оклада, тесно связанная с установлением ревизии и новоучрежденным порядком воинского постоя, вместо облегчения народа, как обещалось, послужила источником большего

отягощения для крестьянского сословия. Русские крестьяне попали под зависимость множества командиров и начальников, часто не зная, кому из них повиноваться. Каждый военный, начиная от солдата до генерала, помыкал бедным крестьянином; тормошили его фискалы, комиссары, вельдмейстеры, а воеводы правили народом так, что, по выражению одного указа, изданного уже по смерти Петра, "не пастырями, но волками, в стадо ворвавшимися, называтися могут". Наконец, тяготела над крестьянством власть их помещиков, ничем почти не сдерживаемая и особенно тяжело отзывавшаяся там, где помещики не находились в своих имениях, а вместо них управляли крестьянами приказчики; "Можно всякому легко рассудить, - говорится в том же вышеприведенном нами указе, делающем обзор учреждений Петровского времени, - какая народу оттого тягость происходит, что вместо того, что прежде к одному управителю адресоваться имели во всех делах, а ныне к десяти и может быть больше. Все те разные управители имеют свои особливые канцелярии и канцелярских служителей, и особливый свой суд, и каждый по своим делам бедный народ волочит, и все те управители, так и их канцелярии и канцелярские служители, жить и пропитания своего хотят, умалчивая о других беспорядках, которые от бессовестных людей, к вящшей народной тягости, ежедневно происходят".

Продолжительные войны и всякие преобразования в государстве требовали денег более, чем сколько могло платить тогдашнее бедное народонаселение России. При всем усиленном старании увеличить государственные доходы, Россия получала пред концом царствования Петра от девяти до десяти миллионов ежегодного дохода. Недоимки прогрессивно возрастали, и в 1723 году они представляли следующие цифры: недоимка таможенных сборов доходила до суммы 402523 рубля, канцелярских и оброчных по смете назначалось собрать 714756, недобрано 309322 руб.; пчелиного налога, вместо следовавших 35414 руб., собрано только 15330 рублей; с мельниц, вместо 71704 рублей собрано 33696; с рыбных ловель, вместо 89083 рублей - 43942 руб.; с пашенных земель и сенных покосов, вместо следуемых по окладу 18812, собрано 7637 руб.; с мостов и перевозов, вместо 40469 руб. - 23598 рублей [18].

Самые разнообразные окладные и неокладные налоги, существовавшие при Петре, не были поставлены в соответствие с действительною платежною способностью; оттого во все царствование Петра не переводились неоплатные должники казне. Еще прежде приказано было отправлять их на казенные работы, но закон этот не исполнялся: подьячие за взятки выпускали их на волю, а властям показывали, будто колодники ушли из тюрьмы; взыскание падало потом на тюремных сторожей. Государь (4 апреля 1722 года) указал предавать виновных подьячих смертной казни, если окажется, что они делали потачку колодникам. Подтверждалось, под опасением денежного штрафа, должников не держать в тюрьмах, а немедленно отправлять на галеры.

В последние годы царствования Петра в разных городах учреждены были (6 апреля 1722 года) вальдмейстеры для сбережения лесов. Главное внимание обращено было, как и прежде, на окрестности больших рек и озер, в особенности на линии от устья Оки вниз по Волге и по рекам, впадающим в

Волгу; во всех дачах, чьи бы они ни были, запрещалось владельцам рубить лес даже для собственных нужд. После тяжелых пеней за две последовательные порубки лесов, за третью следовало наказание кнутом и ссылка на галеры на 20 лет.

В 1722 году к предшествовавшим коллегиям прибавлено еще две: малороссийская и вотчинная. Первая была в Глухове и выражала собою орган центральной власти в крае, которому предоставлялись еще права отдельного самоуправления. Во вторую - стекались все дела о поземельных владениях, которые ведались до того времени в упразднявшемся тогда Поместном приказе.

С учреждением юстиц-коллегии по городам были определены зависевшие от этого учреждения судьи, и тем был положен как бы зачаток разделения власти административной от судебной. Но 12-го марта 1722 года такие судьи были отменены и правосудие в провинциях по-прежнему вверено было воеводам, творившим суд, вместе с двумя асессорами из отставных офицеров или дворян. Там, где города отстояли верст на 200 и более один от другого, воеводы могли иметь еще лишних асессоров и посылать их вместо себя, с правом судить до 20 рублей, а потом сумма была возвышена до 50. Надворные суды, где такие находились, не подчинялись ни губернаторам, ни воеводам. При всех беспрестанных нравоучениях Петра и угрозах за несоблюдение правосудия, продолжали совершаться дела, возбуждавшие гнев государя. И в 1722 году он приказал напечатать и выставить в сенате и во всех присутственных местах наставление о том, как следует обращаться с законами. "Всуе законы писать, - говорится в том указе, - когда их не хранить или ими играть как в карты, прибирая масть к масти". Но предусматривая, что могут быть замедления и упущения и от малого понимания смысла законов и нововведенных учреждений, Петр в том же своем наставлении (17-го апреля 1722 г.) прибавил: "Буде же в тех регламентах что покажется темно или такое дело, что на оное ясного решения не положено: такие дела не вершить, ниже определять, но приносить в сенат выписки о том". Сенат обязан был "собрать все коллегии и об оном мыслить и толковать под присягою, однако ж не определять, но, положа например свое мнение, объявлять государю". Вместо двух штаб-офицеров, находившихся прежде в сенате, наблюдателем над ходом дел в сенате назначался генерал-прокурор. Он должен был смотреть, чтоб все исполняли свое дело, протестовал, делал замечания и наставления, получал от фискалов донесения, предлагал их сенату и должен был смотреть за самими фискалами. Генерал-прокурор имел под ведением своим обер-прокуроров и прокуроров в областях. Это учреждение не подлежало никакому суду, кроме самого государя. Генерал-прокурор имел право арестовать сенаторов, поверять производимые ими дела иным лицам, но не имел права ни пытать их, ни наказывать. "Сей чин, - говорится в указе 27-го апреля 1722 г., - яко око наше и стряпчий в делах государственных и на нем первом взыскано будет, если в чем поманит". Впрочем, генерал-прокурор не отвечал за ошибки, "понеже лучше дополнением ошибиться, нежели молчанием". Институция прокуроров сплеталась с институцией фискалов. В коллегиях и надворных судах фискалы доносили прокурорам, а в случае медленности прокурора по этим доношениям фискал

через своего обер-фискала доносил генерал-прокурору. Последнему каждый фискал мог подавать донос и на своего обер-фискала.

По-прежнему важнейшими делами считались те, которые прямо относились к оскорблениям чести государя. Кроме фискалов и прокуроров, всякому дозволялось подавать доносы о таких делах, надеясь за то царской милости, а за сокрытие чего-нибудь вредного государевой чести обещалась смертная казнь и отобрание в казну всего имущества. Поощряя доносничество, Петр, однако, в указе января 22-го 1724 г. заметил, что иные делали доносы, находясь сами под розыском, и положил таким доносчикам, в уважение к сделанному ими доносу, не облегчать наказания, следуемого за собственные их преступления, а приниматься за их донос, уже покончивши с ними самими. После указа о сжигании подметных писем, охотники к ним приискали другие способы их распространять; они разносили эти письма сами или передавали через прислугу. 9-го ноября 1724 года Петр отменил прежний свой указ об истреблении подметных писем без их прочтения, а велено разносителей их представлять в полицейскую канцелярию.

В начале 1724 года состоялось новое положение, до этого времени не существовавшее: никто из служащих не мог отговариваться неведением закона. Военные люди должны были знать воинский артикул, а статские -генеральный регламент (25-го сентября 1724 г.). Никто не имел права отговариваться неведением, в какой суд обратиться по своему делу (13-го ноября 1724 г.).

Дела о злоупотреблениях должностных лиц по-прежнему влекли за собою мрачные и кровавые зрелища казней. В 1722 году производилось дело воронежского вице-губернатора Колычева: за ним открылись большие злоупотребления и лихоимства, начет на него доходил до 700000 рублей. Его наказали кнутом. Громче было дело о подканцлере Шафирове, человеке, давно уже пользовавшемся доверием государя. Возникло дело о том, что Меншиков, владея в Малороссии местечком Почепом, населил у себя много лишних людей и захватил в свое владение лишние земли. Шафиров в сенате был против Меншикова, вместе с Голицыным и Долгоруким. Обер-прокурор сената Скорняков-Писарев был за Меншикова против Шафирова. Вскоре этот человек, злобясь на Шафирова, придрался к нему по другому делу, в котором Шафиров покушался учинить незаконное постановление ради своих интересов: Шафиров хотел, чтобы брату его Михайлу, при переходе с одной службы на другую, выдали лишнее жалованье, и подводил его под закон об иноземцах. Скорняков-Писарев колко заметил ему, что Шафировы не иноземцы, а жидовской породы, и дед их был в Орше "шафором" (домоправителем), отчего и произошло их фамильное прозвище. Колкое замечание раздражило Шафирова, а враг его, озлобившись пуще, через несколько дней опять зацепил его. В сенате слушалось дело о почте, - почтою управлял Шафиров. Обер-прокурор потребовал, чтобы Шафиров вышел из сенатского присутствия, потому что царский указ предписывал судьям выходить прочь из присутствия, когда слушаются дела, касающиеся до них самих или до их родственников. Шафиров не послушался, обругал Скорнякова-Писарева вором, а потом наговорил колкостей канцлеру

Головкину и Меншикову. Тогда оскорбленные сенаторы вышли из заседания сами и затем подали мнение, что Шафиров, за свои противозаконные поступки, должен быть отрешен от сената. Царя в то время не было; он находился в персидском походе, а возвратившись в январе 1723 года, назначил в селе Преображенском высший суд из сенаторов и нескольких высших военных начальников. Суд этот приговорил Шафирова к смертной казни. 15-го февраля 1723 года приговор должен был совершиться в Москве в Кремле. Когда в назначенный день осужденный положил голову на плаху, тайный кабинет-секретарь Макаров провозгласил, что государь, в уважение прежних заслуг Шафирова, дарует ему жизнь и заменяет смертную казнь ссылкою в Сибирь. Позор эшафота расстроил Шафирова до такой степени, что хирург должен был пустить ему кровь. "Лучше было бы, - сказал тогда Шафиров, - если бы пустил мне кровь палач и с кровью истекла моя жизнь". Потом самую ссылку в Сибирь царь заменил Шафирову отправкою на жительство в Новгород, вместе с его семейством. Шафиров, лишенный своего достояния, жил там в крайней бедности и под строгим надзором; русские вельможи и даже иностранные министры посылали ему милостыню. Императрица Екатерина просила государя помиловать его. Петр был неумолим.

Но и Скорнякова-Писарева Петр тогда же отрешил от должности обер-прокурора, отобрал у него пожалованные деревни, однако в следующем году назначил его смотрителем работ на Ладожском канале. Двух сенаторов, державших сторону Шафирова, князя Долгорукого и Дмитрия Голицына, Петр наказал денежным штрафом и шестимесячным тюремным заключением, но через четыре дня простил их, по просьбе императрицы. Соблазнительная ссора Скорнякова-Писарева с Шафировым повлекла к новому закону о наложении штрафов за неприличное поведение в присутственном месте.

Обер-фискал Нестеров, который много лет отличался ревностным преследованием всяких злоупотреблений, наконец и сам попался. Его оговорил ярославский провинциал-фискал Попцов, обвиненный в нарушении инструкции, данной фискалам, и за это после казненный смертью. Но после казни Попцова государь велел нарядить суд над Нестеровым; этот суд, состоявший под председательством генерал-прокурора Ягужинского, подверг Нестерова пытке и нашел, что Нестеров брал с Попцова взятки деньгами и вещами, брал взятки с других лиц по поводу определения их на воеводские места, наконец, брал и по кабачным откупам. На Нестерова начли 300000 рублей. Нестеров был приговорен к смерти и казнен в январе 1724 года на площади против коллегий. Петр, любивший зрелища подобного рода, стоял у окна камер-коллегии. Старик Нестеров, взойдя на эшафот, увидел государя, поклонился и закричал: "Виноват". Но помилования ему не было оказано; палачи тотчас начали его колесовать - ломали сперва одну руку, потом ногу, потом другую руку и другую ногу; истерзанный еще был жив в страшных страданиях. Майор Мамонов, от имени государя, подошедши к нему, сказал, что ему отрубят голову и прекратят его мучения, если он все покажет. Нестеров отвечал, что он уже все показал. Его потащили к плахе и положили лицом в кровь, вытекшую из голов двух казненных перед ним товарищей, а потом

отрубили голову. Головы казненных были воткнуты на железные колья; обезглавленные тела их навязали на колеса. Тогда с Нестеровым было казнено девять человек, еще несколько наказаны кнутом и сосланы на галерные работы, а четырем из них вырвали ноздри. Петр приказал согнать на эту казнь всех подьячих, дабы они видели, что бывает за злоупотребления по должности. Вслед за тем Меншиков, бывший до того сильным, что сенаторы, вздумавшие сопротивляться его воле, подвергались опасности потерять жизнь, принужден был, по делу о незаконном присвоении земель и людей к своему владению в Малороссии, повиниться перед Петром и просить "милостивого прощения и отеческого рассуждения". "Он в беззакониях зачат, во грехах родился и в плутовстве скончает живот свой", - сказал о Меншикове Петр, однако простил его и опять ездил к нему обедать и пировать.

В 1723 году возникло знаменательное дело о малороссийском наказном гетмане Полуботке и малороссийской старшине. Учрежденная в 1722 г. малороссийская коллегия, состоявшая из шести штаб-офицеров, под председательством бригадира Вельяминова, очень не понравилась малороссам, и гетман Скоропадский, находившийся временно в Петербурге, представлял царю, что таким поступком нарушается смысл договора с Хмельницким, по которому Малороссия соединилась с Россиею. Петр не внял этой жалобе, а Скоропадский уехал на родину и скончался в июле 1722 года. До избрания нового гетмана, по старым малорусским обычаям, следовало назначить наказного гетмана из полковников, и таким наказным гетманом сделан был черниговский полковник Павел Полуботок. Петр недолюбливал его и не хотел, чтоб он был гетманом, а намеревался устроить в Малороссии другое правительственное учреждение, вместо гетманства. Не решивши вопроса о малороссийском правительстве, государь уехал в персидский поход. В его отсутствие старшина жаловалась в сенат на малороссийскую коллегию за то, что она, помимо старшины, рассылала по малороссийским полкам универсалы, в которых предоставляла черни, т. е. простым казакам и посполитому народу, приносить в коллегию жалобы на несправедливость и утеснения, причиняемые первым от казацких чиновников, а второму от их помещиков. Эти универсалы, как и надобно было ожидать, стали тотчас сигналом к беспорядкам. Крестьяне не повиновались помещикам, буйствовали, и одному из казацких старшин и помещиков Забеле нанесли побои. Полуботок со старшиною, в видах сохранения спокойствия, выдал со своей стороны универсалы, внушавшие крестьянам долг повиновения к владельцам тех земель, на которых крестьяне проживали. Этот поступок наказного гетмана и старшины был формально противен царскому указу, запрещавшему посылать универсалы без согласия с малороссийскою коллегиею, и тем более казался недозволительным, когда универсалы, разосланные Полуботком, по своему содержанию, прямо были направлены против универсалов коллегии.

По возвращении Петра в Москву из похода, прислана была из Малороссии царю просьба об избрании настоящего гетмана. Петр не исполнил желания малороссов, но издал указ о назначении в малороссийские казачьи полки, вместо выборных полковников, как было прежде, новых полковников из

великороссов, а сенат по царскому приказанию секретно поручил Вельяминову побудить малороссиян просить у царя, как милости, чтобы суд в Малороссии производился по великорусскому Уложению и по царским указам. Затем Полуботка с генеральным писарем Савичем и генеральным судьею Чарнышем потребовали в Петербург к ответу. Здесь в тайной канцелярии сделан был им придирчивый допрос. Малороссияне оправдывали свою рассылку универсалов о повиновении подданных владельцам тем, что поспольство, возбуждаемое дозволением жаловаться на властей, начало уже волноваться: необходимо было остановить своевольство простонародия и не допустить до всеобщего мятежа. Кроме того, в тайной канцелярии Полуботку и старшинам показали разные жалобы, последовавшие на них от разных малороссов. Жалобы эти, лишенные улик, были совершенно бездоказательны; однако 10 ноября 1723 года государь приказал препроводить в крепость Полуботка, Савича и Чарныша с толпой казаков и служителей, приехавших с ними в Петербург. Петру, по политическим соображениям, как видно, хотелось обвинить малороссийских старшин в государственном преступлении: он был ими недоволен за то, что они добивались выбора гетмана и сохранения прав малороссийского края. Явилось письмо от черниговского епископа Иродиана к епископу псковскому Феофану. Иродиан писал, что слыхал от какого-то Борковского о сношениях Полуботка с изменником Орликом, приходившим с ордою в Украину. Но розыск, сделанный об этом киевским губернатором князем Трубецким, по указу из тайной канцелярии, не привел дела в ясность: "понеже за страхом от Полуботка не объявляют правды". Петр отправил в Малороссию майора Румянцева, приказал ему собирать казаков и всяких людей и сказать им, чтоб они без всякой опасности для себя ехали обличать Полуботка; вместе с тем Румянцев должен был заручиться от малороссийских казаков заявлением, что ни они, ни малороссийское поспольство вовсе не желают избрания гетмана, что челобитная об этом государю составлена без их ведома старшиною, что они желают, чтоб у них полковниками были велико-россияне. Румянцев, оказавший уже Петру вместе с Толстым важную услугу доставкою из Неаполя беглого царевича, и теперь в Малороссии исполнил царское поручение так, как только мог угодить Петру. Он извещал, что в разных малороссийских городах он собирал сходки и везде слышал отзывы, что простые казаки не знают о челобитной, гетманства не хотят вовсе и очень довольны тем, что им назначают в полковники великоруссов, вместо природных малороссиян. Заключенные в крепость малороссияне, Полуботок с товарищами, не были уже освобождены Петром. Полуботок умер в тюрьме, а товарищи его получили свободу уже при Екатерине [19]. Наши историки представляют это дело в таком виде, как будто Петр заступался здесь за многих обижаемых и утесняемых в Малороссии Полуботком и старшиною; но из дела не видно ни малейших доказательств виновности в чем бы то ни было этих лиц, и они представляются скорее жертвами государственных соображений правительства, желавшего всеми средствами уничтожить отдельную самостоятельность Малороссии и теснее соединить ее с другими частями империи.

Побеги в этот период времени не уменьшались, и распоряжения о беглых следовали прежним порядком. В 1722 году давался беглым срок добровольной

явки на год, с объявлением помилования, если они воспользуются сроком. Однако охотников воспользоваться милосердием государя было немного. Народ толпами уходил за границу, и по указу 26-го июня 1723 года устроены были по границе заставы; польскому правительству написано было, чтоб оно, со своей стороны, назначило комиссаров для поимки и отсылки в Россию бежавшего в Польшу русского народа. Расставленные на границах драгунские полки не могли совладать с беглыми, которые уходили за рубеж с ружьями, рогатинами, и, встречая на рубеже драгунов, готовы были биться с ними, как с неприятелями; другие же толпами успевали проходить мимо застав. Государь велел стрелять в упрямых беглецов. Беглые селились в Польше, а потом переходили за рубеж вооруженными шайками, били, мучили и грабили людей по дорогам; особенно во Псковской провинции они навели большой страх, тем более, что там была недостача военных команд. Строгий для беглых во всех краях Руси, Петр делал в этом отношении послабление для Ингерманландии, которую хотел заселить русскими. Беглые крестьяне, поселившиеся в этом крае из других русских областей, не отдавались своим прежним помещикам. Если у владельцев были собственные земли в Ингерманландии, то беглые приписывались на эти земли, а если не было, то владельцам их позволялось продавать бывших в бегах тем помещикам, за которыми числились земли в Ингерманландии, или получать от казны за мужчину по 10 рублей, а за женщину по 5 рублей. Беглые всякого рода толпились во множестве в Пензенской, Тамбовской провинциях и на юге России - в Киевской губернии и на Дону. Многие из них показывали себя непомнящими родства; царь приказал таких отправлять в Петербург для поселения на ингерманландских землях, принадлежавших государю. Стараясь о развитии горного промысла, Петр дозволил на заводах принимать беглых крестьян, без отдачи прежним владельцам, с тем, чтоб эта льгота не простиралась на уклоняющихся от военной службы.

Побеги умножались тогда по причине голода, свирепствовавшего в России. Летом 1722 года был большой хлебный недород; люди стали умирать от голода, и царь, указом 16-го февраля 1723 года, приказал рассчитать, сколько нужно на год или на полтора каждому помещику для себя и для крестьян на обсеменение полей, а затем весь хлеб - отобрать и раздать неимущим на пропитание, однако с условием, чтобы последние после возвращали без всякой отговорки. Велено было отбирать хлеб у купцов и промышленников, которые скупали его для продажи по высокой цене; царь приказал этот хлеб продавать народу в Петербурге и в Москве так, чтобы, сверх покупной цены и пошлин, приходилось купцам, у которых отобрали этот хлеб, прибыли не более одной гривны на рубль. Придумали и другую меру для облегчения народного бедствия: со всех служащих, исключая военных иностранцев, из получаемого ими жалования, вычиталась одна четверть. У губернаторов, вице-губернаторов и комендантов, владевших деревнями, велено было на время неурожая отобрать все их хлебное жалованье; упразднено было, сверх того, всякое двойное и прибавочное жалованье, хотя бы получаемое в виде наград сверх действительных окладов по чину. Но в августе того же года оказалось, что служащие в канцеляриях и коллегиях, не получая полного своего жалованья,

пришли в крайнюю нужду, и потому сенат приказал выдавать им, за недостатком денег, сибирскими и прочими товарами, а вместо муки -рожью. По случаю голода, дозволено было привозить хлеб из-за границы, сначала за половинную пошлину, а затем совсем беспошлинно (указы июня 1723 г., 13-го января и 28-го августа 1724 года), и в силу такого дозволения в апреле 1724 года привезено было заграничного хлеба на 200000 рублей; русские купцы могли продавать повсюду, но брать прибыль для себя не более гривны с рубля за зерно и не более двух - за муку. Дороговизна хлеба продолжалась до конца царствования Петра и побудила устроить при камер-коллегии особую контору для принятия мер на будущее в случаях неурожая. Уже за две недели до своей кончины, Петр установил правила против повышения цен съестных припасов, охранявшие покупателей от стычек между алчными торговцами.

Между тем голод и побеги приводили к размножению разбоев. Летом 1722 года дошло до царя, что на Оке и на Волге разбойники убивают хозяев, грабят товары, а наемные работники на купеческих судах не только не обороняют своих хозяев, но еще сами подговаривают разбойников. Около самого Петербурга не было проезда за разбойничьими шайками, а одна из этих шаек, доходившая, как говорят, до 9000, под командою отставного полковника, помышляла напасть на столицу, сжечь адмиралтейство и все военные склады и перебить всех иностранцев. Тридцать шесть разбойников были схвачены, посажены на кол и повешены за ребра.

Государь продолжал заботиться о заселении любимого Петербурга. В марте 1722 года приказано взять на житье в Петербург из разных северных городов и уездов 350 плотников с их семьями; потом, для той же цели в 1724 году, приказано в Архангельске набрать 1000 семей плотников. 5-го января 1724 года царь указывал поселяться на Васильевском острове помещикам: они обязаны были строить себе дома, занимая разные пространства, сообразно количеству числящихся за ними по ревизии душ. Те, у кого было 5000 душ, должны были строить каменные дома на 10 саженях, у кого было от 2500 душ -на 8 саженях, у кого 1500 - на 5 саженях, а те, у кого было от 500 душ, должны были строить мазанки или деревянные дома. Все они обязаны были приехать к будущей зиме и, под страхом лишения всего движимого и недвижимого, начать постройку. Каждый дом должен быть готов к 1726 году, под страхом конфискации половины имения. Вменялось в обязанность строящимся делать кирпич за собственный счет; каждый обязывался выработать не менее миллиона кирпичей, под опасением штрафа, равного цене полумиллиона кирпичей. Те, у которых были уже дома на Московской стороне и на Петербургском острове, должны были их продать или сделать загородными дачами, а сами перебраться на Васильевский остров. Жители Петербурга были стеснены в своем образе жизни, - не смели пускать к себе приезжих постояльцев, обязанных останавливаться в новопостроенных нарочно постоялых дворах, а владельцы пригородных дач должны были для прорубки и просек испрашивать дозволения.

Петр возымел желание дать своему Петербургу местного патрона и избрал для этой цели святого князя Александра Невского. 4 июня 1723 года государь приказал перевезти его мощи из Владимира в Александро-Невский монастырь. За счет монастырских доходов положено построить раку в ковчеге с балдахином, везти ее на переменных лошадях, от города до города, посадским, ямщикам и всяким крестьянам, и прибыть в Петербург к 25 августа. Воеводы в городах и сельские начальства должны были встречать с подобающею честью эти мощи во время провоза их в Петербург. Мощи были встречены за несколько верст от Петербурга самим царем и доставлены на судне в Александро-Невский монастырь, где положены были в позолоченной раке, наглухо запертой. По этому поводу новгородский епископ делал пиршество для всего двора в монастыре, потом князь Меншиков делал вечер, ужин, а адмирал Апраксин - маскарад, на котором присутствовал государь.

Обращалось внимание и на другие города. В старой столице началась усиленная деятельность по благоустройству города. 19 января 1722 года учреждена была должность московского обер-полициймейстера. В 1722 году велено московским обывателям в продолжение четырех лет выстроить каменные дома и покрыть их гонтом; для того приказано собрать в Москву из Малороссии мастеров, умеющих делать гонтовые крыши; они должны были бесплатно обучать крестьян, которых помещики пожелают отдать в учение. Черных изб без труб или с деревянными трубами отнюдь не дозволялось более строить, а существующие велено сломать; приказано мостить Москву камнем, вместо прежней деревянной мостовой, непрочной, неудобной для езды и опасной во время пожаров. Запрещалось бросать на улицу падаль и помет, заваливать реки нечистотою, на рынках торговцам продавать вонючее мясо и рыбу; продавцам съестного приказано покрывать свои шалаши рогожами и полки холстом, а хлебников обязали для опрятности носить балахоны.

Для предупреждения опасности от пожаров, постоянно опустошавших русские города, издавались правила, касавшиеся постройки во всей России. В 1722 году в Новгороде, после бывшего там пожара, приказано строить хоромные строения регулярно, как в Петербурге, и улицы разбить по плану, стараясь сделать их широкими и прямыми. В том же году по России погорело множество сел; государь приказал отстроить погоревшие села не иначе как по прежде изданным правилам о сельских постройках, оставляя между дворами пустое место в 5 сажен. Но указ царский не исполнялся; крестьяне строились по-прежнему, как попало, и 3 апреля 1724 года издан подтвердительный указ, чтобы помещики непременно принуждали крестьян строиться по плану.

В 1722 году учреждена была почт-дирекция, которой отдавался весь Ямской приказ, иностранные купеческие почтамты и все почтовые станы. Дорожная повинность пала на всех обывателей по целой России. Государь указал, для починки и проложения дорог, обложить особым налогом купечество и все обывательские дворы. Для первого примера приказано проложить перспективную дорогу от Волхова до Москвы и сгонять к этой работе помещичьих и дворцовых крестьян, живущих в стороне на 50 верст. Готовясь в

поход в Персию, государь приказал устроить дорогу от Москвы до волжского Царицына и поставить верстовые столбы, а во время зимы вымерить по льду реки весь речной путь от Москвы до Астрахани, и от одного города с пристанью до другого такого же поставить столбы, по которым можно было знать между ними расстояние. Намерение устроить пути сообщения занимало Петра в конце жизни; он думал и в этом отношении принимать за образец Швецию. Но государь с жалостью замечал, что все делалось не так, как он хотел и предписывал.

Постройка Ладожского канала не была совершенно окончена до конца царствования Петра. В феврале 1723 года на работы по Ладожскому каналу начали высылать малороссиян, и сразу их было послано пять тысяч человек. Со всей России на тот же предмет велено было назначить по две гривны с двора, а с купечества по десяти денег с рубля. Предположено прорыть канал от Нази до Волхова. Это дело поручено Миниху, с жалованьем по 100 рублей в месяц; ему велено дать для работ 16000 солдат и драгун, а 28 августа 1724 года из армейских полков прибавлено еще 4000 человек. В зимнее время они отпускались на зимние квартиры, часть их оставалась при канале, и для тех строились избы.

В 1722 году Петр обратил внимание на то, что в России количество фальшивых денег не уменьшалось, а все увеличивалось. Чтобы прекратить их обращение в народе, приказано делать монету по новому рисунку, а старые деньги приносить для переделки на монетный двор до апреля 1724 года. Но никто не спешил исполнять это предписание, напротив, прятали старую монету, надеясь со временем получить за нее барыши, и в самом деле, уже в конце февраля 1724 года за один старый рубль давали пять новых; дозволялось приносить на денежные дворы золото и серебро и получать за него определенную плату [20]. Гербовая бумага, по важности, считалась наравне с монетою, и за подделку ее казнили смертью.

Торговля с Европою шла сухопутьем через Малороссию и Польшу, а морем через балтийские и архангельские порты. В Малороссии по-прежнему производилась торговля товарами, которые опять причислены были к заповедным: пенькою, юфтью, поташем, смольчугом, салом, воском, льняным семенем, щетиною, икрою, золотом и серебром. 10 марта 1723 года дан указ, чтобы на Васильковской заставе, близ Киева, осматривать и арестовывать купцов с этими товарами; кроме того, к товарам, недозволенным к отпуску за границу, причислены овечья шерсть, пеньковые веревки, узкие холсты, овчины и хлеб, а из-за границы запрещалось ввозить игральные карты, коломенки, полуколоменки, полотна ниже рубля за аршин и стамед. В самой Малороссии начал тогда производиться табак, составлявший предмет вывоза в великорусские области и доставлявший казне доход, так как с него бралось 1/10 часть натурой. 31 января 1724 года издан был морской торговый устав, где были начертаны правила: о приходе иностранных торговых судов, о способе их выгрузки, о нагрузке на них русских товаров и о платеже казенных пошлин.

По тогдашним понятиям, наибольшее благосостояние страны измерялось наибольшим приливом денег, поэтому Петр, 8-го ноября 1723 года, дал указ камер-коллегии, чтоб товары, шедшие за границу, продавались более на чистые деньги, чем менялись на товары.

В том же году, 20 декабря, указано с купцов, приезжающих из Китая, не брать пошлины за привозимое золото и серебро; привозить то и другое можно было сколько угодно, но под страхом смертной казни запрещалось продавать где бы то ни было, кроме денежного двора.

Русского государя занимала тогда особенно торговля с Францией. Главный продукт этой страны, желаемый Петром для ввоза в Россию, было вино, так как, по его взгляду, французское вино было лучше вин других стран. Дозволено было иноземцам продавать французское вино оптом, с платежом обыкновенных пошлин и с уплатой 2 рублей акциза за анкер. Но 16 июля 1723 года этот двухрублевый акциз отменен и позволено продавать враздробь. В ноябре того же года назначен русский консул в Бордо, главным образом для надзора за виноторговлею. 20 августа 1723 года назначен был русский консул в Кадикс. Русские товары, туда привозимые, приказано продавать на золото и серебро или менять на шерсть, кошениль, сандал и деревянное масло. Занимала Петра также и торговля с Испанией и Португалией. Для развития духа торговой предприимчивости, Петр 8 ноября того же года предписал коммерц-коллегии: посылать в чужие края детей купеческих, группами не менее 15 человек, и по 20 человек в Ревель и Ригу. Объявлялось: если кто выдумает новый источник прибыли без народного отягощения, тому давать 1/3 или 1/4 прибыли ежегодно.

Когда в 1723 году Россия получила в свое владение от Персии новые области, Петр тотчас приказал собирать сведения, где можно добывать сахар, мед, разводить плодовитые деревья, завести шелководство, и для этого хотел выписывать итальянских мастеров, предполагал из персидских провинций сбывать в Польшу шафран и фрукты, рассчитывая, что поляки будут их употреблять в кушанья. Правительство обратилось к армянской компании и побуждало ее привозить в Россию шелк, открыв для нее свободную торговлю между Астраханью и Гилянью.

Для суконных фабрик, которыми так дорожил Петр во все свое царствование, до сих пор выписывалась шерсть из-за границы. Петр, с целью развести домашнее овцеводство, указал в мае 1722 года: многовотчинным помещикам раздать овец, обязав их принимать, хотя бы не хотели, и содержать овчаров, а шерсть продавать на суконные заводы компанейщикам. Русского сукна было мало до самой смерти Петра: в 1724 г. выписано было из Англии 300000 арш., а прусский посланник предложил привозить прусское сукно, которое оказалось уже, но добротнее английского. Высший сорт продавался по 66 к., а низший по 48 за аршин. Шерсть, получаемая с русских заводов тонкорунных овец, продавалась по 2 р. 20 коп. за пуд и должна была идти на русские фабрики. В Малороссии, где лучше всего могло идти овцеводство, распоряжение Петра исполнялось дурно.

В декабре 1723 года составлен был регламент мануфактур-коллегии. Всем дозволялось заводить фабрики с ведома мануфактур-коллегии. Этому учреждению вменялось в руководство не выключать других в пользу одних и иметь в виду, что от соперничества между заводчиками зависели не только размножение мануфактур, но также достоинство и дешевизна произведений. Заводчикам давалось право беспошлинной торговли на несколько лет, предоставлялось приобретать населенные имения к заводам, с тем, чтоб они не продавали людей от завода, а самые заводы могли продавать только с разрешения мануфактур-коллегии. В начале каждого года мануфактуристы должны были представлять образчики своих изделий. Вместе с тем Петр находил полезною мерою повышение пошлин с привозимых из-за границы предметов, которые уже производились в России, хотя бы и в небольшом размере. Петр пришел тогда к убеждению в невыгодности казенных фабрик, поэтому рекомендовал коллегии отдавать их частным лицам, хотя постоянно жаловался, что фабрик заводится мало и указы его, относящиеся к фабричному делу, исполняются дурно. "Наш народ, - говорит государь в своем указе, - яко дети неучения ради, которые никогда за азбуку не примутся, когда от мастера не приневолены бывают, которым сперва досадно кажется, но, когда выучатся, потом благодарят, что явно из всех нынешних дел". По-прежнему Петр старался привлекать в свое государство чужеземных мастеров, но приказывал их немедленно свидетельствовать: знают ли они свое дело; если окажется, что не знают, то отпускать их без всякого оскорбления, а если окажутся годными, то содержать их в довольстве, предоставляя им право беспошлинной торговли своими изделиями, свободу от поборов, служб и разных повинностей и всегда, когда пожелают, отпускать их за границу, чтоб не было на Россию жалоб. Мануфактур-коллегия должна была, однако, иметь в виду, что полезнее посылать русских людей для обучения за границу, давая им содержание и обеспечивая их семейства во время отлучки их в чужие края.

Продажа соли продолжала производиться от казны выборными целовальниками, с прежними злоупотреблениями. Если кто покупал соль пудами, с тех брали взятки, а бедных, покупавших на малые суммы, целовальники, желая от них отделаться, отсылали к своим товарищам, и случалось, что бедняки нигде не могли достать соли на какие-нибудь 10 коп. Узнавши об этом, 11 мая 1722 года государь велел продавать соль на всякую сумму, на какую кто может купить, а воров-целовальников, обличенных в бездельничестве, казнить смертью.

При постоянной заботе Петра о горных промыслах, к концу царствования его учреждено правительством еще несколько горных заводов. В апреле 1722 года царь поручил генерал-майору Генингу осмотреть, исправить и привести в хорошее состояние медные и железные заводы в уездах Кунгурском, Верхотурском и Тобольском. Он должен был определить количество деревень и сел, нужных для приписки к заводу, и требовать на обзаведение людей от губернаторов и воевод. Освобожденных от каторжной работы и поселенных в дальних местах Сибири, велено было отправить в Даурию на тамошние серебряные заводы. Туда же пересылали, по назначению от сибирского

губернатора, и пашенных крестьян. В 1723 году положено завести заводы в Усольском уезде и на работы высылать туда людей, собранных из Соликамской провинции и явившихся из бегов рекрут, а к заводу приписать деревню Строгоновых, вместо которой дать последним другую из дворцовых волостей. Осенью 1723 года окончена Генингом постройка екатеринбургского медного завода. Кроме екатеринбургского, основаны были тогда медные заводы в Кунгуре, на реке Ягужихе, близ Верхотурья на реке Ламе и при Пыскорском монастыре. Железо выделывалось на ултуйских, алопаевских и каменских заводах: там лились пушки, но фузей и другого ручного оружия не делали. В январе 1724 года открыт был сестрорецкий литейный завод, и туда приказано было присылать из Сибири годное железо. Игольный промысел производился в большом изобилии в Рязанском уезде, на сумму 330000 рублей: выделывалось столько игол, что не только доставало их на Россию, но отправлялось еще за границу; владельцы завода получили право на беспошлинную торговлю в течение 18 лет.

При относительном развитии заводской и фабричной деятельности, государь, желавший сохранить леса в России, стал заботиться о добывании другого топлива, кроме дров. По донесению подьячего Капустина, Петр велел отправить людей на Дон в казачьи городки, в Синие-Горы и Белогорье, для раскопки каменного угля на трехсаженной глубине и более. Указом сентября 11-го 1723 года приказано делать разведки каменного угля по Днепру и его притокам. В том же году дана десятилетняя привилегия Фонармусу на добывание торфа, с воспрещением другим лицам добывать его и продавать.

До конца своего царствования Петр не покидал преследования судов древней русской постройки. В сентябре 1722 года посланы на озеро Ильмень и на берега соединяющихся с ним рек "эверсного дела ученики", для постройки торговых судов новым способом, и на каждое новопостроенное судно велено налагать клейма. Но в то же время государь издавал и распоряжения, дозволявшие временное существование староманерных судов, при некоторых условиях. В 1724 году на староманерных судах позволено было привозить в Ладожский канал бревна и доски.